

ЧУВАШСКОЕ БОЖЕСТВО КГВАР

Кгвар (*Куар*, *Коар*): встречается также в форме *Вёри кгвар* «горячий уголь», *Кгварлг кгмргк* «уголь с жаром», *Вут* «огонь», *Вутлг кгмргк* «огненный уголь», *Вут-кгвар* «огонь-уголь». Иначе говоря, имеется в виду горячий уголь или жар в очаге или костре [Поле 88 — экспедиция автора в 1988 г. в Базарно-Карабулакский р. Саратовской обл.; РАН, ф. 21, оп. 5. 6 — Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. XVIII в.: 115 об.; Архив Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук (ЧГИ) 24 — Ашмарин Н.И. Этнография. 1883–1900 гг.: 262]. Является антиподом потухшему и остывшему углю *кгмргк*.

Европейский путешественник Проспер Томас зафиксировал божество *Khoar* среди чувашей в 1842 г., приняв его по ошибке за злого духа дорог *Хаяр* [Thomas 1844: 89]. В 1906 г. его исследование опубликовал на русском языке В.Н. Андерсон [Андерсон 1906: 174]. Последующие исследователи не возвращались к первичной интерпретации термина и стоящего за ним персонажа. Действительно, эти имена — божества *Кгвар* в форме *Khoar* и духа *Хаяр* (*Khajar*) — созвучны. На этом их сходство исчерпывается.

Мойсей Каганкатвацци, историк X в., пересказал события VII в. в «Истории агван» [Каганкатвацци 1861]. Здесь на с. 193–209 речь ведется о гуннах, чьей столицей был город Варачан на Кавказе, а их князем — Илитвер, почитали они божество *Куар*. В 1962 г. историки А.Б. Булатов и В.Д. Дмитриев обратились к книге Мойсея Каганкатвацци и указали на сходство имени божества *Куар* с чувашским словом *кгвар*. Притом они отождествили гуннов с суварями [Булатов, Дмитриев 1962: 226–236]. Потом А.Б. Булатов к этой теме больше не возвращался, а В.Д. Дмитриев без каких-либо оговорок отказался от теории суваро-чувашских генетических связей и стал активно разрабатывать версию болгаро-чувашских связей.

Слово *Кгвар* относится к самому древнему пласту чувашского лексического состава и имеет этимологические параллели в иранских, европейских, тюркских, кавказских, финно-угорских, балтийских и других языках. В грузинской религии божество Квириа управляет огнем. «У мгрелов *k+var-i* ‘колобок’, ‘хлебец’, ‘лепешка’, в частности ‘культовая’, св. *kvar* (тавр. говор) ‘хлебец’... св. *kver-ϕl* (халд. говор) ‘маленький хлебец’, обыкновенно выпекаемый для детей, ...раньше, несомненно, имевший значение ‘жертвенного хлеба’» [Марр 1935: 265]. Укажем также на афганское *вар* «яркий» (о пламени) [Асланов 1966: 615]. С.Г. Амаякян Ку-

ера называет божеством индоевропейского происхождения. На самом деле география слова значительно шире. Так, литовское божество огня *Gabie* и огонь домашнего очага *gabija* почитались священными и нередко персонифицировались [Иванов, Топоров 1987: 260]. Вспомним также коми-пермяц. *gor/gur*, удм. *гур*, манс. *кяр*, кет. *кор/кур*, эвенк. *куйарка* в значениях «огонь», «уголь» и «пожар», а также тюркские *кор*, *кос*, *көз*, *куз* в значениях «пылающие угли», «горящий уголь», «жар».

В конечном счете приходим к бореальному/ностратическому корню. В словаре В.М. Иллича-Свитыча читаем: «*gUR* ‘горячие угли’; с.-х. *g(w)r* ‘огонь, уголь’ ~ и.-е *guher-* ‘греть, горячий, горячие угли’ ~ ? алт. *gur(ˆ)* — ‘горячие угли, загореться’... Лабиовелярный в беджа указывает на исходное **gwr*//чад. **gwr*» [Иллич-Свитыч 2003: 239]. Аналогично у Н.Д. Андреева: «Бореальное корневое слово *G-W*- характеризуется с помощью таких речений, как «горящие угли», «тлеющие головни костра», «обугливаться»... *GhwR*. Горячий, жар, на очаге» [Андреев 1986: 13, 56].

Языковеды, опираясь на фонетические закономерности, расширяют формы произношения и указывают на превращение *kw* → *xw* → *f* [Turner 1975: 191], что позволяет вставлять вместо *кв* как *хв*-, так и *ф*-. На этом основании, видимо, можем англ. *fever* «жар, лихорадка» объединять с чувашским *кгвар* «жар» (ср. *кгвар пек выртать* — букв. «лежит как горячий уголь», т.е. у больного очень высокая температура). Поэтому же объясним этимологическое единство чувашских слов *кгвар* «жар» и *хёвел* «солнце», хотя на первый взгляд в языковом плане ничего общего между ними нет. Но если учесть фонетический закон чередования *kw* → *xw* и общеизвестное тюркологам чередование *p* → *л*, то вероятность обретает реальные черты. Очевидность равенства *кгвар* и *хёвел* подтверждается множеством примеров из других языков. Так, С.Г. Амаякян прямо указывает на то, что культ араратского божества *Куера* связывался с солнцем, о чем свидетельствует свастика, вырезанная на двух фаллах — символах культа плодородия, имеющих отношение к *Куера* [Амаякян 1986: 14].

В качестве раннего источника этого слова исследователи указывают на язык Авесты. П.И. Лерх в рецензии на книгу «История агван», в частности, писал о том, что *Куар* напоминает иранское слово, и ссылался на авестийское *hvarē*, означающее «солнце» [Лерх 1861: 490]. В.И. Абаев находил это слово у осетин в форме *xur/xor* и у персов в форме *xwar* [Абаев 1949: 18, 168]. Георг Моргенштерне указал на авестийское *hvar* [Morgenstierne 1974: 98]. И.М. Стеблин-Каменский плюс к древнеиранскому *hvar* и согдийскому *xwr* указывает на варианты из современного ваханского языка и из языков шугнано-рушанской группы: *hvar*

«солнце», *xəwir* «солнцек» и *hvarəpana* «время около полудня» [Стеблин-Каменский 1999: 415, 426; 1981: 239; 1976: 182, 183]. Таким образом, подтверждается гипотеза В.Г. Егорова о родстве чувашского *кгвар* с древнеиранским понятием «солнце». В.Г. Егоров объяснил это как заимствование. В этой связи он напомнил древнее название *Хорезма*: персы называли его *Хуваразмиш*, арабы — *Хваризм*, т.е. «солнечная страна» [Егоров 1964: 57].

Кроме того, следует говорить о двусоставности слова *кгвар*. Полагаю, что чувашское *кгвар* «жар» и *вар* «желудок» — родственные слова, включая русское *варить*. В аналогичном ненецком *каяр* «солнце» первый слог означает «гром и молния», а второй является суффиксом множества или величия [Зифельдт-Симумяги 1988: 86].

Гунны, жившие в VII в. на Кавказе, «думали, что почитаемый ими Бог Куар производил искры громоносных молний и эфирные огни. Когда молния поражала человека или другое вещество, они приносили ему жертвы» [Каганкатвацци 1861: 193]. Таким образом, выясняется, что *Куар* у гуннов — это божество молнии. Аналогично у татар *Кубар* производит молнию, грозу и дождь [Мифтахов 1998: 38]. В ненецком, нганасанском и селькупском языках морфема $\sqrt{\text{кан}}/\text{хан}$ — первый слог понятия «солнце» — входит в названия грома и молнии [Зифельдт-Симумяги 1988]. Если учесть, что у чувашей божество грома — это *Аслати*, то понятию *Кгвар* соответствует божество молнии у гунно-суваров. По этой же причине утверждение А.Б. Булатова и В.Д. Димитриева о том, что «суварскому богу молнии и грома *Куара* соответствует чувашский бог Аслати Тург», неверно.

Горящий уголь имеет очищающее и ограждающее свойство. Поэтому его широко использовали в общесельских ритуалах. К примеру, в 1910 г. в д. Изамбаево Козмодемьянского уезда Казанской губ., по данным, представленным Василием Митрофановым, одна из девушек-участниц «девичьей пахоты» несла в маленьком котелке горящий уголь [ЧГИ 177 — Никольский Н.В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг.: 476]. Более натурально выглядело у некоторых европейских народов в обряде «прохождения в ворота»: «Когда огонь бедствия наконец разгорелся, от него зажигали костер и, как только пламя несколько спадало, прогоняли по тлеющим углям больных животных, иногда в определенном порядке: сначала свиней, затем коров и в самом конце лошадей» [Фрэзер 1986: 597]. В знахарской практике чувашей горячий уголь также занимал прочное место, особенно в заговорах от сглаза и для избавления от других болезней (от ожога, от *Хаяра*). Способов его использования было несколько [Собрания автора в 1967–2004 гг.; Поле 88]. Первый — это окуривание. Для этого большого

сажали на стык половиц под матицу, на лоток брали горящие угли и шептали: «Голубые глаза, карие глаза, отлогие глаза — все уходите от этого ребенка (имя). Тьфу, тьфу, тьфу!». Этот способ можно назвать выкуриванием. Второй способ — фильтрование: для этого в кружку воды пускают горящий уголь, шепчут и дают пить больному. В третьем способе на горящий уголь в очаге бросают несколько щепоток соли: соль начинает трещать, подпрыгивать и отскакивать. Этот способ можно назвать выпрыгиванием болезни. В четвертом способе кусок хлеба держат над горящим углем и этим хлебом тычут в больные места тела. Его можно назвать изгнанием болезни.

Горячего угля бояться злые духи, особенно *Вёре зёлен* и *Вунгр*. Например, для того чтобы *Вунгр* не смог проникнуть в дом, к порогу кладут уголь [Собрания автора в 1967–2004 гг.; ЧГИ 24].

Конечно, очищающим и ограждающим свойством горящего угля обладает и божество *Кгвар*.

Огонь в очаге у чувашей передавался из поколения в поколение. При закладке фундамента нового дома в подполе разводили огонь, используя угольки из очага старого дома. В домашних ритуалах горячий уголь имеет важное значение. Так, во время жертвоприношения в честь божества прясла *Карта* кроме котла каши во двор выносят и горячий уголь в кружке. Отдавать горячий уголь из своего очага в чужой дом — значит отдать счастье своей семье. Поэтому у чувашей не принято давать из очага угли. Если считали, что в деревне очажные огни слишком устарели, из-за чего пошли массовые болезни и бедствия, все гасили в домах очаги и проводили общесельский обряд добывания нового огня, и все от нового огня несли домой горящие угли в горшочках. Вообще, *Кгвар* наделен признаками живого существа, ибо горящие угли в золе очага называют *вут куз* — букв. «глаза огня» [ЧГИ 207 — Никольский Н.В. История, этнография. 1909–1911 гг.: 433; ЧГИ 208 — Никольский Н.В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг.: 143; ЧГИ 215 — Никольский Н.В. Этнография. 1832–1916 гг.: 303]. Как видим, *Кгвар* олицетворяет домашнее/семейное благополучие и счастье.

Сравнительный материал о горящем угле укладывается в русло наших наблюдений. Например, ваханцы, как и чуваша, при возведении нового дома «из старого дома в мисочке приносят горящие угли» [Стеблин-Каменский 1975: 207]. У грузин божество *Квириа* также имеет «генетическую связь... с культом огня, при этом огня земного, очажного, если посчитаться с эпитетами *Квириа*, по которым он “правитель суши”... и “владелец шатра”» [Бардавелидзе 1957: 14]. У дунайских болгар «кроме очага и печи в доме всегда имеется мангал, т.е. железный или глиняный таз, в

котором лежат горячие угли. Все приходящие греются около него, нагревается хорошо и сама комната» [Тихов 1891: 15]. Таджики «молодым на брачном ложе приносят зеркало и жаровню с раскаленными углями; они смотрят друг на друга в зеркало, которое должно символизировать чистоту, а также угли, которые должны сделать их сердца горячими» [Кисляков 1959: 185].

Таким образом, несмотря на то, что *Кгвар* у проточувавшей-суваров до IX в. символизировал молнию, а также имел этимологическую и функциональную связь с божеством *Хёвел* «Солнце», эти два понятия в последующем не закрепились за ним. Оказавшись в X в. на правобережье Волги, суваро-чуваши окончательно стали оседлыми земледельцами, а за божеством *Кгвар* утвердился символ очага и семейного благополучия. Тем не менее ретроспективный анализ отчетливо выявляет связи этого субъекта с культурой Северо-Западного Ирана.

Р.С.: Выражаю искреннюю благодарность за полезные советы академику РАН И.М. Стеблину-Каменскому, д.и.н. Ю.Ю. Карпову, д.и.н. Р.Р. Рахимову, к.и.н. В.Ю. Крюковой.

- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1.
Амаякян С.Г. Государственная религия Ванского царства. Ереван, 1986.
Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.
Андерсон В.Н., пер. и комм. Путешествие Пр. Томаса от Москвы до Казани в 1842 году // ИОАИЭ. 1906. Т. XXII. Вып. 3.
Асланов М.Г. Афганско-русский словарь (пушту). М., 1966.
Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
Булатов А.Б., Димитриев В.Д. Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Ученые записки. Вып. XXI. Чебоксары, 1962.
Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Зифельдт-Симумяги А.Р. К вопросу о языке хазар // Советская тюркология. 1988. № 6.
Иванов В.В., Топоров В.Н. Габия // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1.
Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 2003.
Каганкатвацци Мойсей. История агван. СПб., 1861.
Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. М.; Л., 1959.
Лерх П.И. Рец.: История агван Моисея Каганкатвацци. СПб., 1861 // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1861. Т. III.
Марр Н.Я. Избранные работы. М.; Л., 1935. Т. 5.
Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа. Казань, 1998. Ч. 1.
Стеблин-Каменский И.М. Повседневная и ритуальная пища ваханцев // Страны и народы Востока. Вып. XVI. М., 1975.
Стеблин-Каменский И.М. Примечания переводчика // Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М., 1976.

Стеблин-Каменский И.М. Памирские языки и мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981.

Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

Тихов Н.З. Болгарский дом и относящиеся к нему постройки по данным языка и народных песен // ИОАИЭ. Казань, 1891. Т. IX.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1986.

Thomas M. Prosper. Souvenirs de Russi. Épinal, 1844.

Morgenstierne Georg. Etymological Vocabulary of Shughni Group. Wiesbaden, 1974.

Turner R. L. Collected papers 1912–1973. L., 1975.

Е.Г. Царева

«ПЛЕМЕННЫЕ» КОВРЫ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ

Одной из замечательных особенностей традиционной культуры является малая изменчивость ее материальных форм, порожденная стабильностью/сакрализацией разработанных для производства тех или иных артефактов технологических навыков и украшающего их декора. Значительные трансформации либо разрушение таких навыков и орнаментальных сюжетов происходят лишь с исчезновением породившего их феномена. До этого момента наработанные техники/формы/мотивы могут подвергаться инновационным процессам и совершенствоваться (в благоприятных обстоятельствах) или претерпевать определенную деградацию (в неблагоприятных условиях), но их характер и присущие явления идентификационные параметры остаются практически неизменными и легко узнаваемыми.

Сказанное относится в первую очередь к так называемым домашним занятиям, с их подчеркнутым тяготением к сохранению традиционных для социума-производителя знаковых форм. Товарное производство, в значительной степени ориентированное на вкусы рынка/заказчика и соответственно подверженное значительному влиянию последних, более подвижно в выборе разрабатываемых сюжетов, а иногда и техник. При этом следование «варварским» (чужим) вкусам и требованиям зачастую приводит к появлению интересного феномена, выражающегося в появлении предметов, чужеродных («ничейных») как для социума-производителя, так и для социума-пользователя, поскольку технология производства таких артефактов следует одной традиции, а форма и дизайн — другой, зачастую искаженной.